

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ, АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ**

**ПОСЛЕДНЕЕ
ПИСЬМО ПОЭТА**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Последнее письмо поэта

«Научная книга»

2008

Леонов Н. И.

Последнее письмо поэта / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2008 — (Полковник Гуров)

© Леонов Н. И., 2008
© Научная книга, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай ЛЕОНОВ, Алексей МАКЕЕВ ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПОЭТА

Пролог

Утро начиналось как нельзя лучше: драгоценная супруга куда-то отлучилась! Алексей Константинович, весело насвистывая мотивчик «Yellow submarine», зажарил себе яичницу, насыпал в закипевшую турку две чайные ложки «Сантоса». Растворимый кофе Андронов считал бурдой для профанов.

Неторопливо и со вкусом позавтракав, Алексей Константинович развалился в кресле, дымя сигаретой. С улицы доносилось пение птиц, солнечные зайчики прыгали со стенки на стенку, на коленях мурлыкал пригревшийся кот.

И тут, разрушая всю благостность обстановки, раздалось призывное курлыканье мобилника. Это был хитрый телефон: его номер знали очень немногие люди, по пальцам перечесть. Коллеги, партнеры по бизнесу. Век бы их не видеть... И не слышать.

– Смольный на проводе. Да, я... А вы надеялись, что вам Николь Кидман ответит? У нее номер другой.

Некоторое время он молча вслушивался в крайне эмоциональную речь своего абонента.

– Ну и что мы имеем с гуся? – грустно спросил Алексей Константинович и сам же ответил: – С гуся мы имеем шкварки. Ах, не знаете, откуда это выражение? Читайте классику, милейший. Вот только не надо расписывать мне радужные перспективы и великие блага в будущем. Оно когда еще наступит. Пока же, в настоящем, блага как-то не просматриваются. Одни неприятности. Да, от вас. В том числе. Деньги? Я не Армия спасения, это вы меня с кем-то перепутали. Докажите, что это гм-м... нечто, тогда можно будет говорить об авансе. Хорошо. Через час, в Переверзевском. Но, учтите, если вы вновь притащите пустышку... Я очень серьезно обижусь, а меня обижать не стоит.

Но вот ведь что интересно: закончив разговор, Алексей Константинович разительно переменился! Грустно-меланхолическое выражение с его лица словно ветром сдуло, напротив, сделалось оно напряженным донельзя, а в глазах загорелся хищный блеск, как у кота, подстерегшего жирную мышь. Он потер руки.

Конечно, может быть и пустышка. Очень даже может! А если... НЕ пустышка?!

Слегка подрагивающими от возбуждения пальцами Алексей Константинович набрал междугородный номер. Ему ответили почти сразу. Короткий разговор шел на хорошем английском языке.

...Этот переулочек, хоть и расположенный в самом центре города, был пыльным, грязным и неопрятным, точно метла дворника никогда не касалась его тротуаров и обочин. Всюду валялись пустые пачки из-под сигарет, окурки, рваные пакеты, тряпки, ржавые консервные банки, осколки бутылочного стекла. Из вытопанной травы газонов торчали чахлые деревца. Серые бетонные стены пятиэтажек с рядами немых окон навевали тяжелую тоску. Над дворами стоял густой помоечный дух и запах кошачьей мочи. И ни старичков, греющихся на солнышке, ни бабушек с внучатами, ни молодых мам с колясками, ни влюбленных парочек... Понятно: кому ж в здравом уме здесь прогуливаться захочется? Редкие прохожие спешат по своим делам...

Так что никто не обратил внимания на трех человек, остановившихся на углу Переверзевского и Трудовой.

Алексей Константинович всегда испытывал слабость к высококачественной и даже щегольской одежде. Вот и сейчас на Андронове был отлично сшитый костюм – не Карден,

конечно, не Гуччи, но рядом с ним остальные двое выглядели несколько мешковато и затрапезно. Красная с искоркой рубашечка на Алексее Константиновиче была от «Тиффани», галстук идеально завязан и подобран в тон. Отличные летние полуботинки австрийского производства. И, как завершающий штрих, слабый запах очень дорогого бельгийского одеколona.

Двое других выглядели на фоне Андропова затрапезно: на высоком, мощного сложения блондине мятый костюмчик отечественного производства, на другом – джинсы со старенькой ветровкой.

Блондин протянул Андронову листок бумаги, тихо произнес несколько слов. Андронов недоверчиво хмыкнул, достал из кармана очки, несколько минут пристально всматривался в листок.

Затем он нервным жестом поправил очки, вернул ксерокопию блондину.

– Да. Скорее всего, – голос его стал взволнованным. – Что там, никаких сомнений! Но я должен...

Что именно он должен, осталось неизвестным. По всей вероятности, два человека, стоявшие рядом с Андроновым, догадывались, как Алексей Константинович завершит свою фразу, и один из них, невысокий коротко стриженный крепыш лет тридцати, не собирался дожидаться завершения. Он покосился на блондина. Тот чуть заметно кивнул.

Неуловимым движением крепыш выхватил из-под полы ветровки тускло блеснувший на солнце клинок, выкидной подпружиненный нож, поставленный на стопор, узкий и очень острый, и коротко, без замаха ударил им точно в сердце Алексея Константиновича. Тот сдавленно ахнул и умер, даже не успев осознать, что его убили.

... Многие потом никак не могли взять в толк: почему никто не заметил того, что произошло, не вмешался, не позвонил в милицию? Ведь ясный же день, переулочек, пусть не особенно оживленный, но все-таки не на глухой окраине, а почти в центре города. И не то, чтобы полное безлюдье: и прохожие по своим делам спешат, и местные жители за окошками сидят, и так далее, и тому подобное...

Между тем все объясняется предельно просто. Во-первых, само убийство произошло стремительно, никто просто не успел обратить на это внимания. А, во-вторых, обращать внимание было, вообще говоря, не на что.

Убийца выдернул лезвие своего выкидушника, подхватил обмякшее мертвое тело, не давая ему упасть. Все как по нотам... Если удар нанесен точно и смерть жертвы мгновенна, то кровоизлияние бывает внутренним. Крохотное пятно на красной рубашке почти незаметно.

Высокий блондин, правда, побледнев, как известка, тут же ловко подхватил убитого Алексея Константиновича под другую руку.

Классическая картина, разве нет? Выпивали втроем, один не рассчитал сил, перебрал лишнего. Двое других тащат бесчувственного собутыльника, скажем, к ближайшей скамеечке. Зауряднейшее зрелище.

Через пятнадцать секунд труп Андропова оказался в придорожных кустах, где на него обратили внимание и забили тревогу лишь спустя шесть часов. Ну, лежит в кустиках упившийся тип, с кем не бывает и чего тут такого? Кого на российских просторах подобной картиной удивишь? Сейчас еще только четвертое сентября, на улице тепло, ветры с окрестных гор еще не затопили город волнами холода... Проспится!

Вот так. Полминуты – и нет человека. Стоит ли удивляться, что никто из прохожих ничего не заметил?

* * *

Ровно тремя месяцами позже, воскресным декабрьским вечером в небольшом, но весьма приличном кафе рядом со станцией метро «Беляево» сидели за столиком двое молодых муж-

чин. Кафе имело несколько странное название, «Под сиа́мским котом», – видимо, его владелец был равнодушен к данной породе, и служило излюбленным местом встреч студентов и аспирантов из расположенных поблизости общежитий.

За окошком заведения наблюдались все прелести ранней московской зимы: слякоть, мокрый порывистый ветер, несущий замерзающую на лету водяную взвесь и промозглый холод. Мерзкая погода, в такую хороший хозяин собаку из дому не выгонит.

А вот внутри было очень даже неплохо. Тепло, на чистых скатертях вазочки с поздними астрами, вкусно пахнет свежесваренным кофе, негромко играет музыка – стереосистема выдавала финальную тему «Cats» Уэббера, видимо, для единства кошачьего стиля. Уютно! Все располагало к тому, чтобы посидеть, немного выпить и вкусно закусить, отдохнуть, неторопливо пообщаться с приятелем.

Вот двое и общались, только одному из них, невысокому темноволосому мужчине лет двадцати пяти—тридцати с грустными карими глазами это, похоже, никакого удовольствия не доставляло. Равно как и уют кафе.

– Знаешь, Петруша, чего я хочу? – кареглазый печально посмотрел на мужчину, сидящего напротив. По виду тот был его ровесником и, судя по всему, пребывал в превосходном расположении духа.

– Чего же?

– Чтобы последним, что я увижу перед смертью, стала твоя физиономия. А последним, что услышу, – твой голос.

– Это что, ты мне льстишь? – рассмеялся Петр.

– Ничуть. Просто тогда я расстанусь с жизнью, сознавая, что не слишком много теряю. Как бы не наоборот.

– Вот спасибо! – ничуть не обидевшись, Петруша расхохотался еще громче.

– Ничего не стоит. Пять рублей, – бледно усмехнулся темноволосый. – Да пойми ты, Петя, наконец. У меня депрессия, мне жить не хочется, а ты заладил, как попугай, право слово...

– Да я тебя, Колька, с такой телкой познакомя! Вся депрессию снимет в момент, – жизнерадостно надрылся Петр. – Знаешь, какая у нее задница? У-у-у! Пальчики оближешь! Закачаешься!

Николай посмотрел на приятеля совсем уж мрачно.

– Не хочу я ничего облизывать – ни пальчики, ни задницу, – сухо ответил он. – Тем более не хочу качаться. Когда у меня такое желание возникнет, я лучше бутылку водки выпью. И не бычок я, чтобы телками интересоваться. Кстати, твоя, Петруша, сексуальная жизнь шокировала бы даже павиана. Как твоя Людка терпит – ума не приложу. И на доброе здоровье! Голодной куме все хлеб на уме. Но мне-то сейчас...

И тут Николая прорвало:

– Ведь четыре года работы вот этому милому зверьку под хвост! – злобно воскликнул он, указывая на здоровенную цветную фотографию сиа́мского красавца, висевшую на стене кафе. – Готовая же диссертация была, и с советом договорились, и автореферат соорудили, и... Я уж думал, в каком кабачке банкет заказывать. Хотел здесь. Здравствуйте! Вдруг тема стала неактуальна. Это за три месяца до защиты, каково?! А я уверен, что все очень просто объясняется. Шеф отвалил на историческую родину, причем с концами. У нового заведующего кафедрой свои аспиранты, свои любимчики. Женского пола, главным образом. Клужки. Дуры набитые, цветочки филфака, всеми старыми козлами грызенные. Меня просто обворуют! Вот увидишь, через годик тема вновь станет оч-чень актуальна! И под другим названием прокатит, как джип по грейдеру... Да что, будто сам не знаешь, как это бывает! И как ко мне на кафедре относятся, ты тоже знаешь, мы, чай, не первый год знакомы. А почему шеф уехал, а? Да не выдержал всей этой грызни, он ведь неплохой ученый, завистников – как на Жучке блох. А

мне вот уезжать некуда, вес, знаешь ли, не тот. Да и кому в Израиле так уж интересен Михаил Юрьевич Лермонтов?

Петр кивнул, причем жизнерадостное выражение с его лица словно тряпкой стерли. Еще бы ему не знать! Сам он биолог, его школьный друг Коля Маркушев – филолог, но что в одной области, что в другой...

Хорошо известно: всякий талантливый человек, особенно если он добился успеха в своей работе, очень быстро обрастает кучей завистников и недоброжелателей. Точь-в-точь как корабль – ракушками. Мало где это печальное правило столь богато проиллюстрировано, как в искусстве и науке. Действует зловещая закономерность: чем выше образовательный уровень и творческий потенциал некоего сообщества или корпорации, тем больше они напоминают банку с пауками.

Словом, до боли знакомые нравы научного сообщества: что-то новое может сказать один из сотни, большинство же только и способны жарко дышать друг другу в затылок и рвать лаковые куски из рук коллег. А если уж кто споткнется и зашатается, то непременно получит приятельский толчок в спину: «Подыхай, голубчик, поскорее! Нам больше достанется! Что-то ты шибко умный, мы этого страсть как не любим...»

– Тут недавно, с неделю назад, заходил ко мне твой однокурсник бывший, Аркадий, как его?.. Запомнил фамилию, знакомство-то шапочное было.

– Арзамасцев? – брови Петра удивленно приподнялись. – Бог мой, надо же...

– Ага, он, – кивнул Николай. – Скользкий тип! Представь себе, живо интересовался моей диссертационной работой. Я еще посмеялся про себя: ну, хоть кому-то любопытно стало. Откуда бы ему узнать, чем я эти четыре года занимался?

– Вот это да-а... – медленно произнес Петр со странным выражением. – А две недели назад Аркаша заходил ко мне. Заползал, точнее. Полгода до того не виделись, он же из института ушел на вольные хлеба. До сих пор мы с Людмилкой этот визит забыть не можем!

– А что?

– Наблевал, скотина, в аквариум, – с мрачным видом пожаловался Петр.

– Куда?!

– В аквариум, – повторил Петр, и щека у него дернулась. – С рыбками.

– Бог мой! Он что, другой посуды найти не мог?

– Ни хрена он уже не мог. Даже мычать. Рыбок жалко.

– Сдохли?

– А то!.. Они к паленой водке непривычные. Другое интересно: когда Аркаша, век бы его не видеть, проспался у нас на диване, он поутру принялся меня расспрашивать как раз о тебе. Да-да! Телефончик, адрес, чем ты занимаешься, как живешь... В частности, твоей диссертационной работой. Ну, ты, Коля, не засекреченный ядерный физик, так что информацию я дал. Хоть несказанно удивился: с какого перепуга Арзамасцев загорелся интересом к творчеству Лермонтова? Сколько я помню, раньше его литературные пристрастия выше Марининой с Корецким не поднимались.

– Творчество? – Маркушев задумчиво покачал головой. – Я бы не сказал. Тут не в творчестве дело. Я ведь, Петя, занимался главным образом историей последней дуэли Лермонтова. Да-да, с Мартыновым. Лермонтовские стихи этого времени меня, само собой, в первую очередь интересовали, но и сама дуэль тоже. Я на Северный Кавказ год назад специально ездил и архивные поиски проводил. Так вот, интерес Аркадия был весьма специфическим. Он меня все больше именно о дуэли расспрашивал. О причинах, об условиях, о деталях. Чуть ли не о марке пистолетов и их убойной силе. Но я ведь не оружейник! Кто где стоял, кто стрелял первым. И все прочее в том же духе. Очень он хотел узнать мое мнение: был ли у Михаила Юрьевича тогда, пятнадцатого июля, шанс остаться в живых.

– И что ты ответил? Мне, кстати, тоже любопытно.

- Ни малейшего шанса. Они стрелялись так, что все зависело лишь от одного: кто действительно хочет убить противника, – Николай Маркушев некоторое время печально молчал. Затем совсем тихо добавил:
- А кто хочет быть убитым... Только кому сейчас это интересно?

Глава 1

Геннадий Вячеславович поднял затравленный взгляд на русоволосого мужчину, сидящего в кресле напротив. Мужчина был невысокого роста, очень плотного телосложения, напоминал внешностью борца или тяжелоатлета. Крепкий, чисто выбритый подбородок. Темно-карие, чуть навывкате глаза поблескивают из-под сросшихся на переносице густых бровей. Обычная, вообще говоря, внешность. Одет тоже вполне обычно, золотая цепь, на которую в пору волкодава сажать, на шее не просматривается. Мужчина явно старался держаться солидно и с достоинством, соответствовать общепринятым представлениям о «приличном человеке». Вообще говоря, у него получалось. Встретишь такого на улице – не подумаешь, что бандит.

«А ведь бандит, – подумал Геннадий Вячеславович, – мне ли не знать? Я ошибся, я недооценил их. Юрия этого, в частности. Хоть не первый год с ним работаю. Или он со мной? Зачем я тогда вытащил его? Куковал бы Марадона сейчас на нарах! Нет, надо было вытаскивать. Если бы Юрий пошел ко дну, он и меня бы утопил заодно. И полировал бы я задницей соседние нары. Но сейчас я прокололся по полной программе. Я был уверен, что хотя бы неделя времени у меня есть. Если не две. А они заявили на следующий день после Нового года. Правильно, братва рождественских каникул не признает. Нужно было срочно сматываться с этой квартиры и залечь на дно. До той поры, покуда... Взять с собой все самое ценное и скрыться на время. А что теперь? Теперь нужно выкручиваться. Пытаться перевести стрелку на конкурирующую фирму. На Грузинский. А если впрямь конкуренты? Э-э, себе мозги пудрить – последнее дело! Чушь собачья. Нет у меня никаких сомнений!»

– Вы кого-нибудь подозреваете? – вопрос был задан обманчиво спокойным тоном, но в нем явственно звякнул металл.

Геннадий Вячеславович задумчиво помолчал с минуту, затем картинно развел руками:

– Нет. Никого. Сам теряюсь в догадках. Зачем мне врать вам, Юрий?!

Геннадий Вячеславович не врал. Он действительно никого не подозревал. Потому что абсолютно точно знал, чьих это рук дело.

– Мне поверить вам на слово? – Юрий, известный в определенных кругах под кличкой Марадона (чем-то внешне напоминал он прославленного аргентинца) изобразил вполне естественный скепсис. – Вы бы поверили, Геннадий Вячеславович? Сомневаюсь.

– Я готов заплатить, скажем так, неустойку, – торопливо произнес Геннадий Вячеславович. – В разумных пределах.

Марадона долгое время задумчиво молчал, а затем поднял на Геннадия Вячеславовича тяжелый взгляд прищуренных глаз. Ох, до чего нехороший был взгляд, хозяина квартиры аж холодком вдоль хребта продрало. Так обычно смотрят поверх направленного на тебя автоматного дула.

– В разумных... – медленно, втягивая воздух, повторил Юрий. – Заплатите, это само собой. Только кто же будет определять разумность пределов, а? Получается, что вы же и будете. У вас было три месяца, и реальную стоимость вы, я уверен, узнали. Теперь я расскажу вам, Геннадий Вячеславович, что произошло затем. У вас закружилась голова! Вы почували запах больших денег. Очень больших, даже по вашим меркам. Вы решили нас кинуть. Рассуждали просто: что там, это же уголовщина необразованная, можно запудрить тупицам и неучам мозги. Риск, конечно, есть, но игра стоит свеч, слишком велик приз. Заплачу им неустойку, выжду, а потом через подставных лиц где-нибудь в Латинской Америке... Не узнают! Так, примерно, вы рассуждали, да? Молчите, Крокодил! Молчите, я сказал! Так вот, этот номер не пройдет! Есть такая хорошая поговорка: «Жадность фраера сгубила». Прямо про вас. Всегда я к вам с уважением относился, но такие финты наказуемы.

– Я... Но...

Одним легким, пружинистым движением Марадона вскочил на ноги и тут же оказался по другую сторону стола, рядом с сидящим Геннадием Вячеславовичем. Коротко размахнулся, отвесил звонкую оплеуху, сразу заткнувшую Геннадию Вячеславовичу рот.

– Говно. Это я про вас, милейший. Сказано же было: молчите.

Он повернулся к третьему человеку, находившемуся в кабинете хозяина квартиры, длинному нескладному мужику неопределенного возраста с выпирающими мослами и тусклыми рыбьими глазами с красноватым оттенком. За все время содержательной беседы тот не сказал ни слова, только мерно двигал челюстью, пережевывая жвачку.

– Придержи его, Кролик, чтобы не дергался. Аккуратно придержи. Пока – аккуратно, – коротко скомандовал Марадона.

Плечи Геннадия Вячеславовича оказались плотно прижаты к спинке кресла.

– Я вам не верю, – спокойно продолжил Юрий. – Но в одном вы не лжете: сейчас документа у вас нет. Иначе только бы мы вас и видели. Вы передали его кому-то, не очень представляю, с какими целями. Скорее всего, чтобы обмануть нас и одновременно продемонстрировать документ неким третьим лицам. Так вот, первое, что вы сделаете, это вернете документ нам! И неустойку будете платить не за то, что вы его якобы потеряли...

– Он украден! – рискнул вставить слово Геннадий Вячеславович и тут же получил еще одну оглушительную оплеуху.

– ... а за то, что потратили столько драгоценного времени, да еще пытались нас обмануть. Срок – неделя. Кстати, свою часть работы вы все едино выполните. Кроме вас, это делать никому. Но теперь получите не половину, а десять процентов. Это и будет неустойка.

– Это невозможно! – отчаянно закричал Геннадий Вячеславович. – Да прекратите вы драться, Марадона, все не так! Его действительно украли!

– Кто?!

– Н-не знаю!

– Ах, так...

Тычок в солнечное сплетение на полминуты вышиб Геннадия Вячеславовича из реальности. Когда он очнулся, вынырнул из липкого тумана боли, то обнаружил, что руки его приязаны к подлокотникам кресла двумя полотенцами.

– Это лучше наручников, следов не оставляет, – лаконично пояснил Марадона, раскуривая сигарету. – И таскать с собой не надо, из вашей же ванной полотенчики. Следы оставляет кое-что другое. Сейчас, Геннадий Вячеславович, Крокодил вы наш драгоценный, я дам вам предметный урок на тему: жадничать, кидать партнеров и лгать – нехорошо. Сами напросились. Будет вам душевная беседа. Это когда за душу берут.

Он поднес тлеющий кончик сигареты к правой кисти привязанного к креслу человека. Прижал. Ненадолго – секунды на три.

Этого хватило.

– А-а-а! Юрий! Не надо, я расскажу! Все, что знаю!

– Надо! Чтобы впредь неповадно было, – теперь алый огонек коснулся левой кисти. – Говорите и не войте так громко, стены у вас толстые, все равно никто не услышит. Да не так уж и больно, мне в Мордовии посолонее доставалось.

За пять минут Геннадий Вячеславович действительно поделился всеми своими подозрениями. Одна беда – ему не слишком верили.

– Адрес?

– Его нет по прежнему адресу! О-о! Прекратите!

– Врешь, зараза, как иуда Троцкий! Комсомолку на допросе из себя корчишь. Зря! У меня сигареток еще половина пачки. И у Кролика найдутся. Телефон?!

– Он не отвечает! Уже вторую неделю! Сменил номер, наверное... Прекратите, мне же больно!

– Это еще не больно, больно будет сейчас. Баба у него есть?

– Не знаю! Он мне ни о чем таком...

– Детский сад. Игры в песочнице. О чем ни спросишь, ничего ты не знаешь. Прямо Незнайка на Луне, была такая детская книжица. Кролик, дай ему по морде. Вполсилы, идиот! Еще раз. Вот так, отлично. И еще. А я пока сигаретку раскурю. Все здоровье я с вами растеряю, Геннадий Вячеславович! Знаете, о чем Минздрав предупреждает? На каждой пачке меленькими буквами... А я вторую сигарету за десять минут! Адрес и телефон, быстро, сука дра-ная!! Шкуру спущу! На куски порежу!

– О-о-о! Я не зна...

И в эту секунду мир вокруг несчастного Геннадия Вячеславовича стремительно завертелся, выцвел, потерял звуки, а затем дернулся наискосок в пелену нежного молочного тумана.

И пропал. Навеки.

– Слышь, Марadona, – впервые за все это время открыл рот мосластый Кролик, – а он... Он того!

– Чего – того?!

– Дык... Не дышит. Похоже, кони бросил. Нет, сам посмотри: не дышит, падла!

Юрий стремительно нагнулся, приложил пальцы к яремной вене Геннадия Вячеславовича. И не ощутил пульсовой волны. Ударил по щекам безвольно мотнувшейся головы. Раз, другой, третий... Провел ладонью перед выпученными глазами привязанного к креслу человека. Нет, зрачки не реагировали.

Марadona длинно и витиевато выругался, сплюнул на ковер, по которому с ошарашенным видом топтался его подручный.

– Да с какой стати этот хрен окочурился?! – возмущенно заорал бандит, некоторый внешний лоск с которого соскочил мгновенно. – Мы же с ним деликатно! Я и в мыслях не держал, подумаешь, шкурку чуток подпалили... Правильно подпалили, он правду сказал, я ж по глазам видел!

– Дык... Хилый оказался. Вот ласты и склеил. Что делать-то будем, Марadona? На мне мокрухи еще не было... Сматываться надо! Когти рвать!

Это точно, хилый. Ну, откуда бандюгану Юрику было знать, что у Геннадия Вячеславовича ишемическая болезнь и очень низкий болевой порог? А в сочетании, да плюс сильное волнение... Получается спазм коронарных сосудов, и тогда без дефибриллятора человека с того света не вытянешь. Вот не нашлось у Марадоны в кармане дефибриллятора, он слова-то такого не знал.

И тут, резко и требовательно, как бы аккомпанируя паническому голосу Кролика, затре-звонил стоящий на журнальном столике телефон.

* * *

Так повелось, что с 25 декабря по 15 января в России никто толком не работает. По причине католического Рождества, плавно переходящего в Новый год, затем в Рождество православное, затем в старый Новый год, а там еще Крещение с водосвятием... Когда работать? То выпиваешь, то похмеляешься... Борьба с подобным положением вещей в наше, сравнительно либеральное, время никто не собирается.

Не так давно российским властям стала очевидна эта нехитрая истина, и они приняли соломоново решение: раз уж вся страна бездельничает, то нужно придать безделью официальный статус. Сказано – сделано, теперь народ дружно уходит на рождественские каникулы (или как там это блаженное времечко правильно называется?).

Однако по понятным причинам существуют организации и структуры, на которых такая праздничная лафа не распространяется. Медики, пожарные, аварийщики коммунального хозяйства, связисты, транспортники, эмчээсовцы, милиционеры...

Поэтому утром девятого января полковник милиции Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД РФ неторопливо шагал на любимую службу, благо жил Гуров близко, в двух автобусных остановках от здания ГУ, а погода выдалась превосходная.

Случаются зимой в столице такие изумительные деньки, прямо по Пушкину: мороз и солнце, небо высокое, бледно-голубое, и ажурные невесомые снежинки тихо плывут вниз, возникая словно бы из прозрачного студеного воздуха. Москва становится редкостно красива, особенно в центре, скажем, на Никитском бульваре, по которому шел сейчас Лев Иванович. Даже бензиновый чад и гарь автомобильных выхлопов точно примораживаются, дышится легко и свободно.

Лев Иванович, когда не было необходимости спешить, вообще предпочитал ходить пешком: для здоровья полезно, думается на ходу лучше, да попросту приятно, наконец. Можно полюбоваться на родной город, из автомобильного окошка так Москву не увидишь.

Полковник Гуров был спокоен и даже несколько расслаблен, что случалось нечасто. Лев Иванович по праву считался сыщиком самого высокого уровня, одним из лучших оперативников не только в Москве, но во всей России. У специалистов такого класса дел обычно бывает выше крыши, причем каких дел! Шерлок Холмс вкупе с Эркюлем Пуаро от многих из них в обморок бы попадали, такова уж российская криминальная специфика начала нашего века. Но случаются изредка совсем недолгие периоды, как сейчас, когда старые дела закрыты, а новых пока нет, остается лишь служебная рутина. Вот в такие редкие моменты можно почувствовать себя не сыскарем-волкодавом, а почти обычным человеком. И даже спокойно встретить с женой Рождество, а на следующий день выбраться в зимний подмосковный лесок на лыжную прогулку.

Тихонько насвистывая что-то из репертуара «Deer Purple», Гуров прикидывал планы на сегодняшнее утро. В такт его насвистыванию под ногами весело поскрипывал выпавший ночью свежий снежок.

Сегодня Лев Гуров собирался заниматься делами как раз рутинными: разобраться с некоторыми архивными материалами, составить перечень экзаменационных вопросов по курсу «Тактика оперативной работы», который он вел в ВАМВД им. Дзержинского, и все прочее в подобном же спокойном духе. Ни засад, ни погонь, ни перестрелок. Кабинетная работа, без которой тоже нельзя. Кстати сказать, помянутую оперативную «р-романтику» типа ошалелой беготни с пальбой и тотальным мордобоем полковник Гуров терпеть не мог, считая ее браком в грамотной сыскной работе. Хоть приходилось порой и побегать, и пострелять, не без этого...

Однако дойти до собственного кабинета, который полковник Гуров делил со своим заместителем и ближайшим другом, Станиславом Васильевичем Крячко, Льву Ивановичу не довелось. На площадке второго этажа он увидел спускающуюся навстречу Верочку, секретаршу своего шефа.

– Здравствуйте, Лев Иванович! – радостно улыбнулась она. – Я как раз от вас, внутренка не отвечает, я подумала, что сломалась. А генерал...

– Срочно захотел меня увидеть, – кивнул Гуров. – Здравствуй, Веруня! С чего бы это Петр с утра обо мне соскучился, не знаешь?

Петром полковник Гуров называл своего непосредственного начальника, генерал-лейтенанта милиции Петра Николаевича Орлова, возглавлявшего ГУ уголовного розыска МВД.

Петр Орлов, Лев Гуров и Станислав Крячко давно работали вместе и съели не один пуд соли! Их отношения были несколько странными, нетипичными для жесткой иерархической структуры МВД. Генерала Орлова и двух его лучших сыщиков связывало прежде всего глубо-

кое взаимное уважение и доверие. Они были не столько сослуживцами, сколько друзьями и единомышленниками, делающими общее, порой очень трудное дело. А то, что уровень власти, полномочий и ответственности у генерал-лейтенанта был повыше, так ведь весь вопрос в том, как этой властью распорядиться!

Петр Николаевич Орлов распорядился ею с умом и пользой. В МВД генерала Орлова безоговорочно уважали за четкость позиции, за то, что «да» у него означало «да», а «нет» – означало «нет», без всяких там полутонов и переходов. А еще за то, что Петр Николаевич ни разу не поступился совестью и служебным долгом, мало того – эти понятия были для Орлова нераздельно связаны.

Лев Гуров и Станислав Крячко ходили в этом на своего начальника.

«Раз приглашает к себе в кабинет, – подумал Гуров, – значит, спокойная жизнь мне сегодня не светит. И Станиславу тоже. Но и ничего сверхэкстремального, иначе объявился бы у нас сам».

Когда работаешь со своим начальником долгие годы, начинаешь разбираться в тончайших нюансах и оттенках его поведения. Это как в отношениях перешедших рубеж золотой свадьбы супругов: слова зачастую не нужны, своего рода бытовая телепатия начинается.

Так издавна повелось: если Орлов вызывал полковников Гурова и Крячко к себе, то предстоящая задача оказывалась умеренно сложной, если приходил к ним в кабинет сам, то дело обещало быть отменно «головоломным», ну а если предпочитал встретиться вообще вне стен ГУ, то наклеивалась работенка типа «тушите свет, сливайте воду, рубите мебель на гробы!».

Простыми, обычными, рутинными делами сыскной тандем Гуров – Крячко давно уже не занимался. Друзьям на долю всегда доставалось нечто особенное, с изюминкой, эксклюзив, как стало модно нынче выражаться. Лев Гуров и Станислав Крячко на такую суровую судьбину не жаловались, напротив, гордились такой своей «особостью», как были горды, наверное, ветераны – легионеры Древнего Рима, когда слышали от Цезаря: «Дошел черед и до триариив!»

Гуров захлопнул за собой тяжелую дверь генеральского кабинета. Орлов поднялся из-за стола, шагнул навстречу:

– Здравствуй, Лева. Присаживайся.

– Здравствуй, Петр, – Гуров пожал протянутую генералом руку и уселся на стул, который привычно считал своим.

Из угла кабинета донеслась длинная переливчатая трель. Это подал голосок любимец генерала Орлова – Капитан Флинт, желтенький кенар, похожий на лимон с лапками. Громкая клетка с птичкой несколько нарушала строгий интерьер кабинета начальника ГУ угрозыска МВД России. Там же, рядом с клеткой, над компьютерным столиком висела крупно распечатанная на принтере цитата из указа – наставления императора Петра Первого для младших чинов: «Подчиненному перед начальством иметь вид бравый и придурковатый, дабы своею разумностью не смущать старшего». У Петра Николаевича Орлова было своеобразное чувство юмора...

– Что, Петр, без предисловий обойдемся или как? – спросил Орлова Гуров. – Какую очередную дырищу нам с Крячко предстоит затыкать своими... э-э... телами? Как-то не верится, что ты пригласил меня к себе поутру потому, что ужасно соскучился по моей физиономии. Что стряслось?

– Если, как бы сказать, вразбивку, то ничего, что требовало бы вмешательства нашего управления и конкретно вас со Станиславом, – задумчиво ответил Орлов. – А вот если вместе и в комплексе... Впрочем, суди сам. Но сначала ответь мне: ты как к Лермонтову относишься?

– Очень хорошо отношусь, – чуть изумленно отозвался Гуров, который, впрочем, привык за годы совместной службы к тому, что вопросы генерала могут быть весьма нестандартными. – С любовью и уважением. Прекрасный русский поэт. Да что там, поэт мирового уровня. Превосходный прозаик. Настоящий мужчина. С трагической судьбой.

Лев прикрыл глаза, вспоминая, а затем процитировал:

– «Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки...»

– «...состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии», – продолжил генерал Орлов, который тоже на память не жаловался. – Да, русский язык у Михаила Юрьевича был изумительный. И стихи волшебные.

– Совершенно с тобой согласен, – градус удивления в тоне Гурова существенно повысился, – но... Ты собрался переменить род деятельности? Нет, профессор филологии из тебя получится на загляденье, однако в качестве генерала милиции и моего начальника ты мне как-то больше нравишься.

– Почерк у него был очень характерный, – задумчиво сказал Орлов, не обращая внимания на прозвучавшую в тоне Гурова иронию. – Подойдем к монитору, я тебе кое-что покажу.

Орлов несколько раз щелкнул «мышкой», и на экране возникло изображение: неровно оборванный кусок какого-то документа, на котором можно было без труда разобрать летящие буквы, складывающиеся в несколько строк без начала и конца:

«...лая бабушка! Снова пишу вам из этого дрянного южного городишки. Третьего дня я получил с оказией ваше письмо. Дорогая бабушка, ваш несчастный внук меньше всего на свете желал бы огор...»

– Это фотокопия, а оригинал сейчас внизу, у Лисицына, – сказал Орлов. – Есть у Дмитрия программа сличения почерков.

Гуров только неопределенно хмыкнул. К своему молодому приятелю из группы обработки электронной информации Дмитрию Лисицыну полковник Гуров относился с неизменной симпатией и уважением. Но в то же время с долей чуть боязливой настороженности: так мы всегда относимся к людям, умеющим делать нечто, недоступное нам даже на самом примитивном уровне.

А Лисицын умел! Дмитрия Лисицына, выпускника мехмата МГУ, отличала фантастическая эрудиция во всем, что касалось мира компьютеров, редкая настойчивость в достижении цели и блестящие способности программиста.

За те пять лет, которые Лисицын проработал в управлении, он успел дорасти уже до звания капитана. Генерал Орлов никогда не боялся продвигать грамотных и нужных людей. Петр Николаевич умел делать ставку на талантливую молодежь, и молодежь его, как правило, не подводила. Дмитрий несколько раз очень серьезно помогал Гурову и Крячко в расследовании самых запутанных дел. Хотя другими делами прославленная пара сыщиков и не занималась...

– Как же, знаю, имеется такая программа. Почерк человека строго индивидуален. Это как те же отпечатки пальцев. Или рисунок радужки глаза. Идеомоторика движений кисти руки у каждого своя, и подделать чужой почерк абсолютно достоверно никому еще не удавалось, – сказал Лев. – Но почему...

В этот момент резко затрезвонил телефон внутренней связи. Орлов снял трубку:

– Слушаю вас. А, Дмитрий! Быстро справился, молодец. Сколько? Понимаю, что фрагментик маленький, и все же? Семьдесят два процента? Как, по-твоему, это значащая величина? Вот и мне тоже так кажется. А если учесть, что бумага старинная...

Орлов, положив трубку, повернулся к Гурову:

– Вот так. С весьма высокой вероятностью можно утверждать, что у нас в руках оказался фрагмент письма Лермонтова бабушке, Елизавете Алексеевне Арсеньевой. Причем до сей поры неизвестного письма, потому что таких слов ни в одном из известных писем нет, это мы в ИРЛИ уже выяснили. Как ты думаешь, сколько может стоить автограф Лермонтова? Его неизвестное письмо?

– Точно не скажу, – помедлив, ответил Гуров, – но много. Очень много. На международных аукционах типа «Сотби» или «Меркьюри» порядка нескольких сотен тысяч долларов.

– Если не на порядок больше, – убежденно произнес Орлов. – Каждая вещь стоит столько, сколько за нее согласны заплатить. Недавно один лист черновика Байрона ушел на «Артс Магна» в Нью-Йорке за полтора миллиона баксов. Я понимаю, что литература – не профессиональный теннис или бокс, тут четкое ранжирование не проведешь, но, на мой взгляд, Лермонтов уж никак не уступает Байрону. Во всех отношениях.

– Это верно, – согласился Лев. – Наверняка найдутся поклонники, любители... Фанаты, как принято нынче выражаться. Такие, будучи богатыми людьми, и больше заплатить могут. У коллекционеров свои особенности психологии.

– Очень бы, кстати, не хотелось, чтобы письмо оказалось продано на Западе, – с досадой сказал Орлов. – Автограф Лермонтова – наше национальное достояние, и место ему в музее. Неизвестно еще, что там было, в письме! А вдруг оно позволит посмотреть на Лермонтова с неожиданной стороны? Не допускаешь такой возможности?

– Отчего же, вполне допускаю. Конечно, хорошо бы письмо найти. При том, понятно, условия, что сохранилось нечто, кроме обрывка. Но почему этим должны заниматься мы, уголовный розыск? – Гуров недоуменно пожал плечами. – Как этот фрагментик вообще оказался в поле нашего зрения?

Дверь кабинета открылась, и на пороге возник заместитель Льва Гурова, полковник и старший оперуполномоченный по особо важным делам Станислав Васильевич Крячко.

– Петр, Лев, здравствуйте! Я не помешал вашей содержательной беседе? Это ничего, что я врываюсь без доклада? – слегка ерническим тоном поинтересовался «друг и соратник», как называл Станислава Васильевича Гуров. – Как еще Верочка пустила...

За спиной Крячко раздался тихий женский смех. А то Верочка не знала, кого можно пропускать в кабинет начальника управления без доклада! Будь на то необходимость, она задержала бы на пороге генеральского кабинета хоть министра со взводом ОМОНа в качестве поддержки. Секретарша генерала безгранично любила и уважала своего шефа. Кстати, это именно она в свое время подарила Петру Николаевичу Капитана Флинта.

Кенар поприветствовал появившегося Крячко молодецким посвистом, сделавшим бы честь самому Соловью-разбойнику.

– Балаболка ты, Стас, – беззлобно отозвался генерал Орлов. – Как только Гуров тебя в заместителях терпит? Я бы не смог. Проходи, садись и слушай. Можешь даже закурить, но только чтобы весь дым в форточку, Капитану Флинту никотин без надобности. Это отлично, что ты подошел. Ведь вы с Гуровым вроде попугаев-неразлучников, друг без друга не можете.

– Господин генерал, объясни толком: кто, что, как, когда, – сказал Станислав, выслушав короткое, но эмоциональное выступление Орлова о месте Михаила Юрьевича Лермонтова в мировой культуре. – Я тоже поклонник поэта, но... Почему разбираться с этим грешным письмом придется нам? Мы все же не филиал Пушкинского Дома Российской академии наук. Как фрагмент оказался в нашем управлении? Не разбегайся, прыгай!

– Вот и я о том же, – поддержал друга Гуров. – Что произошло?

– Убийство произошло, – будничным тоном ответил генерал Орлов. – Точнее, два убийства. Одно точно связано с письмом. Второе – скорее всего. А убийства – это вполне по нашей части, не так ли? Особенно такие, когда никто не может понять, каким хитрым способом человека отправили на тот свет. Да еще считайте, что на глазах у патрульного экипажа ППС.

Глава 2

– Вчера, восьмого января, в десять тридцать утра на углу Старомонетного переулка и Кадашевской набережной был убит молодой человек, – продолжил генерал Орлов. – Личность убитого установили сразу, так как в кармане его куртки оказался паспорт. Арзамасцев Аркадий Анатольевич, семьдесят восьмого года рождения. Прописан в Черемушках. Вот, взгляните на монитор. Так он выглядел годом раньше.

Орлов вновь щелкнул «мышкой». Теперь фрагмент загадочного документа сменился фотографией молодого мужчины с правильными, хоть мелковатыми чертами лица и довольно наглым взглядом широко расставленных карих глаз.

– А вот так – через минуту после смерти, это пэпээсники расстарались, иногда даже они вспоминают о служебных инструкциях.

Еще один щелчок, картинка на экране сменилась на новую.

– Ни-и черта себе! – присвистнул Крячко. – Я столько трупов в своей жизни повидал, но чтобы такое выражение лица... Страсти какие!

– М-да-а, – согласился Гуров. – Как же его убили, этого бедолагу, что он так мучился?! Отравили чем-то экзотическим?

Лицо на экране выражало страшную, лютую боль, невыносимое страдание. Вылезшие из орбит глаза, прокушенная в пароксизме муки нижняя губа... Такие физиономии только в фильмах ужасов снимать!

– А вот никто не знает, как убили, – зло сказал генерал Орлов, – хоть убивали, как я уже заметил, чуть ли не на глазах милицейского наряда! Но не отравили, это точно.

– Подробности можно? – деловито поинтересовался Лев.

– Сколько угодно. «Уазик» ППС подъезжал со стороны Большой Полянки. Еще издалека увидели двух человек. У самого выезда на набережную. Они стояли и, по словам старшего сержанта, сидевшего рядом с водителем, мирно разговаривали. Вдруг один из них стал падать, точнее, опускаться на землю. Да, Арзамасцев. А второй наклонился и что-то выхватил у того из руки. Водитель «УАЗа» газанул, но этот человек заметил приближающуюся машину и успел нырнуть в проходной двор, что ведет в Лаврушинский. А там – старая застройка, настоящий лабиринт. Словом, патрульные лопухнулись и упустили его. Упустили еще и потому, что кинулись к потерпевшему. И растерялись от увиденного: никаких признаков огнестрельного или ножевого, да хоть какого-нибудь ранения, синяка или ссадины и то нет, а человек криком кричит от невыносимой боли и умирает прямо за полминуты у пэпээсников на руках, ничего не успев сказать! Да вы на лицо его посмотрите: не до показаний Арзамасцеву было.

– Может, какой-нибудь хитрый удар? – хмуро спросил Гуров. – Из арсенала спецназа...

– Они тоже сперва так подумали. Но, когда довезли Арзамасцева до больницы, выяснилось: не было там никакого удара. Довезли уже труп.

– А что было? Что эскулапы говорят?

– Сейчас и до этого дойдет. Только сначала поймите, совершенно, вообще говоря, случайное появление патруля сорвало планы убийцы, он свое дело не доделал, спортачил малость. Был вынужден смываться поскорее. Не повезло негодяю, с ними такое тоже случается. И обрывок листка остался в зажатом кулаке Арзамасцева.

– Ну да, – согласился Гуров, – это он от острой боли кулак судорожно сжал! Получается, что большая часть документа осталась в руках убийцы. Но почему убийцы, Петр? Если никаких наружных повреждений, если яд, как ты говорил, исключен, то, может, Арзамасцева сердечный приступ хватанул?! Или почечная колика. Тоже адская боль бывает, вполне загнуться можно.

– Ага, как же, – саркастически ответил Орлов. – А тот, второй, предвидел, что аккурат сейчас Арзамасцева этот приступ хватанет. Дождался, понимаешь ли, удобного момента и стал

листочек из руки выхватывать. Не пори чушь, Лева! Было там убийство, было! Впрочем, вы со Стасом еще с протоколом вскрытия и патологоанатомическим заключением не ознакомились. Извольте. Редкий, кстати, случай, когда вскрытие проводили буквально через двадцать минут после смерти, труп даже остыть не успел. Только ни фигушеньки им это не помогло. Читайте, господ сыщики, только не смотрите на меня потом, как две козы на вход в кинотеатр: я тоже ничего не понимаю. Не представляю, что за оружие могло такое натворить, а опыт у меня немалый. Очень меня это огорчает. Почему – объясню чуть позже.

Снова щелчок «мышкой», и на экране возникли ровные черные строчки.

Гуров и Крячко принялись внимательно читать, временами обмениваясь недоуменными междометиями. Их проняло, и всерьез.

– Чертовски странно... – медленно проговорил Гуров. – Такое впечатление, что его изнутри грызла стая голодных крыс.

– Скорее уж муравьев, – уточнил Станислав. – Или пара ножей от мясорубки внутри тела крутились. Печень – чистый фарш, желудок искромсан, да внутри брюшной полости ни одного целого органа не осталось! А кости целы все... Еще бы ему от боли не помереть! Ясно, что спасти Арзамасцева ни при каком раскладе не могли.

– Вот так, навскидку: что в состоянии нанести такие повреждения? – спросил Орлов.

Полковник Гуров пожал плечами, посмотрел на Крячко, словно ожидая от «друга и соратника» совета.

– Н-ну... Вообще говоря, пуля небольшого калибра со смещенным центром тяжести, как думаешь, Станислав? Если такая пуля попадает в человека, она в теле такие кренделя и загогулины выписывать начинает, что оторопь берет.

– Это точно, что кренделя, – подтвердил Крячко. – И не только в человеческом теле. Мы, помнится, как-то раз поэкспериментировали: накрыли здоровенный кочан капусты ведром и пальнули по ведру такой вот пулькой из обычного «макара» метров с пяти. Так вот, капусту буквально нашинковало, а выходное отверстие под семьдесят градусов к директрисе оказалось расположено.

– Не сходится, – покачал головой генерал Орлов. – В нашем случае что входное отверстие, что дырочка на куртке диаметром всего-то в три с половиной миллиметра. Потому и не заметили его патрульные, потому и крови ни капли не оказалось снаружи. Не бывает таких пулек!

– Это уж скорее игла какая-то, – задумчиво сказал Гуров. – Или вязальная спица. Длинное шило. Но тогда раневой канал должен быть прямой. Кстати, тут, судя по всему, был еще эффект разбрызгивания. Слово нечто очень тонкое и острое попало в тело, там разделилось на несколько осколков, а затем каждый из них принялся крутиться по невообразимым траекториям. С соответствующими последствиями. Нет, право, как представишь... Даже меня жуть берет. Страшная смерть.

– Тогда это «нечто» должно быть твердым, но хрупким, – Крячко все больше загорался новым делом, даже глаза у Станислава засверкали. – Скажем, перекаленное стекло. Или кварц. Но куда, к песьей матери, пресловутое «нечто» вместе со своими осколками подевалось?!

На некоторое время в кабинете воцарилась полная тишина, даже Капитан Флинт насвистывать перестал. Последний вопрос «друга и соратника» напрямую касался самого странного и загадочного вывода патологоанатомического заключения: действительно, куда? Ни единого выходного отверстия не обнаружено. Тогда, следуя элементарной логике, зловердное «нечто» должно остаться в теле Арзамасцева! Так вот, ничего подобного! Искореженные ткани трупа чисты, никаких признаков травмирующего агента в них не нашли. Тогда что же их искорежило? Что, неизвестное, толщиной всего-то с вязальную иглу, пробило или прокололо сперва куртку, затем рубашку, кожу, брюшину, проникло в тело и мучительно убило человека?

Крячко все же подошел к открытой форточке, достал из кармана пачку сигарет. Гуров после некоторого размышления присоединился к Станиславу. Тот ехидно усмехнулся, молча протянул пачку Льву. По какому-то странному капризу памяти полковник Гуров, куривший очень редко, только когда что-то выбивало его из обычно спокойного расположения духа, купить дежурную пачку все время забывал и одалживался сигареткой у безотказного «друга и соратника», что служило тому поводом для беззлобных подначек. Сейчас был тот самый редкий момент, когда закурить Гурову хотелось: Льва раздражало и выводило из себя все непонятное и отдающее тухленькой мистикой, а в истории с убийством Аркадия Арзамасцева этот поганый запах ошущался. Человека угробили самым зверским образом буквально в прямой видимости патруля милиции, но как?..

Петр Николаевич Орлов, которому врачи курить запретили давно и категорически, завистливо вздохнул, покосившись на сыщиков, окутанных «дымом, уносящим здоровье».

– Петр, а проворонить медики не могли? – мрачно спросил генерала Гуров. – Не заметить выходного отверстия? Оно ведь в самом неожиданном месте могло оказаться. Или просмотреть фрагменты травмирующего агента? Ну, не бывает чудес на свете! С нашим-то бардаком да еще в послепраздничные дни... Могли прошляпить!

– Не могли, – мрачно отозвался Орлов. – Тем более что медиков Склифа, куда пэпээсники тело доставили, еще вчера вечером перепроверили наши эксперты, а у них таких проколов не бывает, сами знаете. Нет выходного отверстия. Нет в теле, выражаясь официальным языком, никаких «посторонних предметов, способных оказать травмирующее воздействие». И неспособных, кстати, тоже нет. Но не это даже самое главное. Все, кончайте дымить, вы мне птицу отравите. Подтягивайтесь поближе к монитору. Я вам сейчас еще сюрпризец преподнесу.

– Поганый небось?

– А то какой же? Других не держим. Если бы речь только о письме шла, я бы еще очень подумал, стоит ли ввязываться в это дело. К великому сожалению, имеется дополнительный фактор. Вся петрушка в том, что Аркадий Арзамасцев – не единственный человек, убитый столь загадочным способом.

– Это как? – удивился Гуров.

– Да очень просто. В смысле – ничего простого не просматривается. Я, друзья мои, пока еще годен не только на то, чтобы руководить, – с оттенком гордости сказал Петр Николаевич, – я еще иногда работать могу. Даже головой.

– Кто бы сомневался... – проворчал Станислав.

– Об убийстве Аркадия Арзамасцева мне стало известно вчера в пятнадцать тридцать. Это вы отдыхали, а я сидел вот в этом кабинете и сочинял доклад, мне же на коллегии министерства через два дня выступать, – вспомнив о предстоящем мероприятии, Орлов поморщился (Петр Николаевич терпеть не мог пустой говорильни, но порядок есть порядок, будь ты хоть трижды генерал-лейтенант). – Из райотдела доложили нашему дежурному об этом странном преступлении, дежурный доложил мне. Я заинтересовался.

– Почему заинтересовался? – жадно спросил Лев.

– Честно говоря, потому что предельно опротивело доклад сочинять, – усмехнулся Орлов. – О наших впечатляющих успехах и радужных перспективах тотального искоренения преступности. Зря хихикаешь, Станислав, по правилам бюрократических игр от меня именно такой доклад требуется, и придуманы правила не мной. Только я все же в душе сыщик, а не чиновник. А тут такая интересная информация: ведь вскрытие к тому времени уже провели. И о фрагменте некоего старинного, по всей вероятности, документа тоже уже было известно. Начальник оперчасти райотдела оказался мало того что умным, так еще и эрудированным мужиком и сразу понял, что документ ценный. Даже предположил, чей почерк! Это обыватели полагают, что все менты – поголовно тупицы и неучи...

В голосе Орлова явственно прозвучали нотки обиды.

Да, так уж складывалась последние два десятилетия российская жизнь, что отношение наших сограждан к милиции стало, мягко говоря, не слишком теплым, и никакие телесериалы тут не помогают. Мол, все они – мздоимцы и тупоголовые бездельники. А ведь это не так! Хватает, конечно, в структурах МВД, особенно, на нижних этажах, и тех, и других, но нельзя всю российскую милицию мазать черной краской.

– Само собой, была у районщиков мыслишка: запускать дело об убийстве Арзамасцева в производство – это почти с гарантией получить себе на шею глухой «висяк», которых у них и так хватает, – продолжал Петр Николаевич. – Вот они и понадеялись: а вдруг управление возьмется и от головной боли их избавит? Так эти надежды и остались бы надеждами, если бы я, любопытства и дотошности ради, не прошелся по всем базам данных министерства на предмет: а не было ли за последний год чего-либо похожего, хотя бы по Москве и области?

– Ты подразумеваешь способ убийства? – уточнил Гуров.

– Скорее его последствия. Картинка уж больно нестандартная. Вы же видели, с такими внутренними повреждениями не каждый день встречаешься, и в материалах дел, если таковые есть, это непременно будет отражено. Так я рассуждал. И что же? Увы, правильно рассуждал. Уже через час работы обнаружили крайне неприятные факты. Вот, посмотрите сами, я еще вчера всю раскопанную информацию воедино свел, для наглядности.

На экране возник короткий, на одну страницу, список. Некоторые строчки в нем были выделены цветом, рядом с другими стояли непонятные пометки, цифры и значки. Генерал довольно улыбнулся: он явно гордился тем, что, несмотря на возраст, научился работать с базами данных и вообще освоил хитроумную технику, которая в дни его молодости и во сне бы не приснилась.

– Пять трупов, как видите. Три дела ведет МУР. Бизнесмен средней руки, книготорговец из Чертанова, убит в марте прошлого года. Первая, так сказать, ласточка. Затем конец мая. Эстрадно-попсовая звезда, тоже невысокого пошиба. Но восходящая. Сценический псевдоним – Вальдемар. Именно через «а», я не оговорился. Не слышали про такого? Я до вчерашнего вечера тоже не слышал. Исполнитель хита сезона «Каждая вторая баба стерва, это не считая каждой первой». Найден мертвым в собственном подъезде. Теперь середина августа. Криминальный авторитет из останкинской группировки. Поэтому муровцы его безвременной кончиной и заинтересовались, они давно останкинскую братву разрабатывают. Заметим: опять же среднего уровня авторитет. Далее: конец сентября. За рулем своего «БМВ» обнаружен мертвый заместитель председателя инвестиционного фонда «Народная инициатива». Фонд громадными деньжищами не ворочает, но на плаву держится, и, похоже, крепко повязан с криминалом. Что интересно: с той же останкинской братвой. Дело ведет Октябрьский райотдел. Наконец, начало ноября. В Рязани убит директор тамошнего отделения Промстройбанка. Замечу, кстати, если вы не в курсе: летом в этом самом отделении разразился скандал, чуть было не запахло обвинением в мошенничестве в особо крупных размерах. По ящику передавали, в газетах было. Этакая революция в сфере банковских услуг – сверхдоходный вклад в рублях и валюте «Безвозвратный». Расследованием убийства занимается рязанское ГУВД. С ними я пока что связаться не успел, а с коллегами из МУРа и октябрьскими районщиками поговорил. Еще вчера. А сегодня утром – дополнительно.

– И... что? – с надеждой в голосе спросил Гуров, который уже понял, что генерал принял решение и придется им со Станиславом влезать в эту малопонятную кровавую кашу.

– И ничего, – с досадой ответил Петр Николаевич. – Никаких подвижек ни по одному из четырех дел. Ни свидетелей нет, ни подозреваемых, ни четких мотивов, ни вещдоков. Ни-че-го. Ясно только, что не бытовуха. Словом, наши коллеги в глубоком унынии. Почти уверен, что в Рязани тоже глухо. Кстати сказать, по двум из четырех московских трупов вообще не хотели следствие начинать, поскольку совершенно неясна была причина смерти! Этот, прости

господи, певец пролежал в подъезде больше восьми часов, пока его обнаружили соседи с нижнего этажа и обратились в милицию. Конец мая, жара. Пока сделали патологоанатомическую экспертизу, еще часов пять прошло... Словом, входное отверстие они сперва проморгали: оно же маленькое совсем, а ткани трупа уже распухли. То же самое и по тем же причинам с останкинским «бригадиром».

– Но если внутренние повреждения сходны с теми, что у Арзамасцева, – покачал головой Крячко, – то ясно, что смерть естественной быть никак не может.

– Вот именно поэтому дела все-таки завели. Кроме того, у них уже был похожий случай с книготорговцем, а в МУРе дураков не держат. Догадались, сопоставили... И за голову схватились. Вы представьте себе, как были озадачены муровцы! Два трупа. И тот, и другой без всяких внешних повреждений. Зато изнутри – словно злой дух когтищами изорвал. А затем исчез бесследно, как и положено нечистой силе. Представьте и то, что если бы Аркадий Арзамасцев не попался на глаза патрулю, так и в этом случае неизвестно, сколько бы труп провалялся на набережной и что потом думали бы о причине его смерти. Итого имеем за год шесть только известных нам трупов, считая Арзамасцева. Возможно, есть и неизвестные. Понятно теперь, отчего я так расстроился и почему хочу, чтобы убийством Арзамасцева занялись вы? Здесь ведь пошла серия, друзья мои!

– Это если мы исходим из предположения, что все шесть убийств – дело рук одного человека, – возразил Станислав. – Но это вовсе не очевидно. Я вообще не вижу, что объединяет шесть жертв, кроме характера внутренних повреждений. Разное время, разные места преступлений, разные профессии жертв. Что общего?

Лев Иванович хмуро посмотрел на «друга и соратника». Чего уж тут непонятного... Но Станислав всегда отличался желанием поспорить, подвергая сомнению даже вполне очевидные вещи. Сейчас Лев прекрасно понимал Крячко: если выводы, к которым старательно подводит их Орлов, верны, то... То сложное же и муторное дело им предстоит! Гуров понимал и своего шефа. Генерал-лейтенант Орлов, умный и опытный служака, начальник ГУ уголовного розыска МВД РФ, всегда придерживался хорошо продуманного и крепко усвоенного правила: не вмешивайся в дела других структурных подразделений своего министерства, не пытайся прыгнуть выше головы. Собственных забот и дел с избытком хватает. Но на этот раз Петр Николаевич, похоже, пересмотрел свою позицию. Лев догадывался почему.

– Ясен пень, что на каждого верблюда грузят столько, сколько он может унести, – несколько неуверенным тоном продолжал между тем Крячко, – только ведь у нас с Гуровым от такого обращения горбы вырасти могут. Кому мы тогда, такие красивые, будем нужны? Петр, ты же можешь сбросить дело по убийству Арзамасцева муровцам? Четвертый случай к их трем, пусть и разбираются. А мы... Поможем.

– Могу, но не хочу, – обманчиво-спокойным тоном ответил Орлов. – Ты спрашивал, что общего, кроме неизвестного нам способа убийства? Я тебе скажу: именно то, что жертвы ничего вроде бы не объединяет! Профессии? Заметь, кстати: ни одного бомжа среди них нет. Умеренно серьезная публика. бизнесмен, криминальный авторитет, попсовый певец... Продолжать? Ключевое слово в моих рассуждениях – «убийство», если ты еще не догадался.

– Я понимаю, Петр, к чему ты ведешь, – сказал Крячко. – Да, такие люди часто становятся жертвами заказных убийств. Нетрадиционный способ? Да, он, пожалуй, соединяет эти пять дел. Согласен. Действительно, и четыре московских и рязанский вариант очень напоминают грамотно выполненную заказуху. Допускаю даже, что одним человеком или одной группой лиц выполненную. Но Арзамасцев? Он, кстати, чем заниматься изволил? Ты, наверное, уже и это выяснил?

– Было бы что выяснять, имея паспортные данные, – проворчал Орлов. – Ничем он не занимался. Закончил биофак МГУ, некоторое время работал в Институте физиологии растений, что около Ботсада, чуть меньше года тому назад уволился. Да, явно не из хозяев жизни.

Даже на так называемый средний класс не тянет. Только не забывайте о письме! Это вполне достаточная причина для заказухи. Каким бы образом Арзамасцев ни разжился этим документом, наверняка имелись люди, знающие об этом. Люди, которые хотели завладеть письмом. Либо вернуть его. Либо сурово наказать Арзамасцева. Тут возможен самый широкий спектр предположений, ясно только одно: когда человек влезает в игру с такими ставками, не стоит удивляться, если он станет мишенью для наемного убийцы. Это же азбука, господа сыскари! Мало того, я же говорил вам и про другое убийство. Мне кажется, да что там, я уверен – второе, а по времени первое убийство тоже связано с письмом. И с Арзамасцевым. Но об этом чуть позже. Самое главное: в Москве появился киллер, владеющий неизвестным нам оружием и способом убийства. И он активно работает. А мне это активно не нравится, понятно вам?! Предполагать, что такой способ использовал не один человек, а различные, не зависящие друг от друга преступники, – чистая ересь и ненаучная фантастика. Нет, это именно один человек, умный, хитрый и опасный. Изобретатель выискался на нашу голову! – Под конец своего монолога генерал Орлов явно разозлился, что случалось с ним не так уж часто. – Меня, как начальника ГУ, такая ситуация категорически не устраивает. Она сулит крупные неприятности. В самом ближайшем будущем. Есть, знаете ли, хорошая присказка: отчего не воровать, коли некому унять? Аналогично: отчего не убивать? Киллер, похоже, вошел во вкус. Шесть трупов за неполный год, и это только известных нам трупов. Кто станет следующей жертвой? Что, станем дожидаться, пока у какой-нибудь VIP-фигуры кишки в колбасный фарш превратятся? Тогда нас точно на уши поставят! Нет, мы тоже должны действовать активно. Именно поэтому я хочу, чтобы поиском убийцы Арзамасцева занялись именно вы. Я в вас верю. А «помогать», как ты изящно выразился, Станислав, вам станут другие. Те же коллеги из МУРа. Следственными материалами и наработками, своими соображениями, людьми, если потребуется.

– Побойся бога, Петр, какие там наработки и соображения! – печально произнес Гуров. – Какие, к лешему, следственные материалы, когда все эти дела давно остыли! Копать их теперь... Это все равно, что детским совочком застывшую глыбу схватившегося цементного раствора ковырять. Тут лом нужен. А лучше – отбойный молоток. И все равно толку не будет.

– Кто же вас заставляет в старых делах ковыряться? – живо возразил Орлов. – Мне такая радость совершенно ни к чему, я прагматик и статистику собственного ведомства портить не хочу. Но убийство Арзамасцева – вот оно, с пылу, с жару. Ничего там не застыло, копайте! Есть ведь еще один момент, третья сторона сыскального треугольника.

– Ты о чем, господин генерал? – настороженно поинтересовался Крячко. – Что за геометрия? И о каком таком втором убийстве ты говорил? В смысле – первом... Что-то я совсем запутался.

Петр Николаевич достал из ящика своего стола чистый листок бумаги, ручку. Провел на листке два отрезка, образующие угол.

– Это линия странного убийства Арзамасцева и убийцы с его загадочным способом, – сказал Орлов, указывая на один из отрезков. – А вот это – линия, связанная с неизвестно откуда всплывшим письмом Лермонтова. Понятно, что они соединяются: что-то же вырвал киллер из руки Арзамасцева? Что, если не письмо?! И убил его наверняка из-за письма же. Скорее всего, по заказу. Но хоть бы и по собственной инициативе, это не суть важно. Поймаете – разберемся.

– Ага. Если поймаете! – подал реплику Крячко.

– Куда ж вы денетесь? Как правило, ловите. К чему хорошую традицию нарушать? Теперь переходим к третьей стороне нашей геометрической фигуры. Я еще вчера вечером, когда решил, что заниматься этим комплексом дел станем мы, посмотрел круг родственников Аркадия Арзамасцева. Связался с городской ПВС, там эти данные имеются.

«А вот это очень верно, – одобрительно подумал Гуров. – Нет, какой все-таки Петр молодчина! Вот кому возраст не помеха, и хватка, и оперативные навыки такие, что на десяток молодых сыскарей хватит. И насколько легче стало работать, когда внутренняя электронная

сеть МВД появилась. Десять лет тому назад подобный поиск занял бы минимум день. Сейчас – меньше получаса».

– Арзамасцев холост, родители погибли пять лет назад в авиакатастрофе, братьев и сестер нет, – продолжал Орлов. – Обратите внимание, господа сыщики, какую работу ваш начальник уже успел проделать. А теперь вот вам отчитывается. Нет, пора погонями меняться. Только ведь сами не захотите.

– Боже упаси! – воскликнул Лев.

– Словом, из близких родственников у него только дядя имеется, старший брат погибшей матери. Точнее, имелся.

– В смысле?

– В прямом. Неделю назад дядя Арзамасцева отбыл в мир иной. Есть серьезные основания предполагать, что с отбытием ему помогли. То, что случилось, убийством в прямом смысле слова назвать, пожалуй, нельзя, – задумчиво сказал генерал. – Уголовное дело пока не заведено. И неизвестно, будет ли. Но в ориентировку по столице эта странная кончина попала. Именно поэтому я о смерти дяди и узнал. Потому что его фамилия уже неделю в общегородской сводке засвечена. В чем-то повезло мне, конечно, но тут не только везение. Когда я узнал, кто убиенному Аркадию дядей доводится, я тут же уши насторожил и стал интересоваться: где эта личность сейчас и чем она занимается. Оказалось, что личность в могиле. Сейчас сами все поймете, надоело мне вас интриговать. Вот еще один сюрприз: дядюшку звали Геннадий Вячеславович Салманов. Вам эта фамилия ничего не напоминает? Мне вот – да. Одну нашу недоработку.

Лев Гуров и Станислав Крячко переглянулись. Напоминает. Еще как! В сочетании с именем и отчеством. Профессиональная память оперативников четко удерживает детали прошлых дел.

В том числе и не самые приятные детали, «недоработки», как выразился генерал Орлов.

Чуть более трех лет назад они расследовали кражу серии уникальных художественных миниатюр из Пушкинского музея. Там не только кража была, но и два связанных с ней убийства, так что вмешательство ГУ угрозыска МВД оказалось вполне оправданным. Миниатюры общей стоимостью около полутора миллионов долларов чуть не уплыли за рубеж, в частные коллекции. Одной из центральных фигур этого грязного дела был, по убеждению Гурова, которое Крячко полностью разделял, Геннадий Вячеславович Салманов, в ту пору – старший научный сотрудник музея. Нет, сам он не крал, тем более не убивал, но мозгом преступного замысла являлся. Что неудивительно: в краже из наших музеев нет ничего сложного, любой дурак сумеет, не высшая, чай, математика. Особенно из фондов. Достаточно вспомнить нашу-мевшие дела недавних лет: тащили из Эрмитажа, из Русского музея, из Публичной библиотеки... Откуда только не тащили! Трудно не красть, трудно утащить что-то стоящее... Вот в «стоящем» и путях его реализации Салманов разбирался отлично, а исполнителей среди криминалитета отыскать – не такая уж проблема, было бы желание. Но посадить Салманова на скамеечку подсудимых не удалось, не хватило доказательств, вмешались очень дорогие адвокаты, да и покровители у старшего научного сотрудника нашлись весьма высокие. На процессе Геннадий Вячеславович присутствовал лишь в качестве свидетеля. Сроки, и весьма немалые, получили как раз исполнители. Да и то не все! По мнению полковника Гурова, это было в высшей степени несправедливо. В который раз сыщики сталкивались с подобной ситуацией: все вроде бы всем понятно – вот он, преступник! А наказать его, оставаясь в рамках закона, невозможно. Профессионалам уровня Льва Гурова и Станислава Крячко волком выть хочется в таких случаях от собственного бессилия. Да и генерал Орлов, отслеживавший ход «музейного» дела от начала до конца, остался очень недоволен. Мало того, несколько человек, попавшие в орбиту следствия усилиями Гурова и Крячко, были освобождены в зале суда с формулировкой «по недоказанности». Обвинение развалилось, причем основные усилия для этого

приложил Салманов и его адвокаты. А сыщики были твердо убеждены: фигуранты активно участвовали и в кражах миниатюр, и в двух убийствах.

Из музея Салманова, само собой, выгнали. Но в нищету Геннадий Вячеславович отнюдь не впал. В известных кругах Москвы Салманов издавна пользовался репутацией одного из самых крупных коллекционеров и знатоков антиквариата. Его основной деятельностью были и оставались скупка и торговля старинными рукописями, картинами, манускриптами, инкунабулами и прочими, как принято выражаться официальным языком, «материальными объектами, имеющими культурно-историческую ценность». Надо отдать Геннадию Вячеславовичу должное: среди тех «объектов», которые он коллекционировал, которые скупал и перепродавал, дешевок и подделок не было. Показательно, что в среде столичных антикваров и коллекционеров Салманов имел о многом говорящее прозвище Крокодил. И отнюдь не потому, что был тезкой симпатичного героя прославленного мультфильма про Чебурашку.

Тогда, три года назад, полковник Лев Гуров волей-неволей близко познакомился с Геннадием Вячеславовичем Салмановым. Оперативная необходимость! Удовольствия такое знакомство Гурову не доставило, как раз наоборот. Мало кто сподобился вызвать у Льва Ивановича столь неприязненные чувства и подлинную брезгливость, а уж Гуров-то каких только негодяев за время работы в розыске не видел!

Хитрый, жадный и трусливый, скользкий, как обмылок, Салманов был начисто лишен даже зачатков совести. При этом Геннадий Вячеславович смотрел на полковника Гурова – в его понимании нищего и тупого мента! – с откровенным презрением. Дескать, руки у тебя коротки причинить мне серьезные неприятности, а тем более упечь на нары.

Прав ведь был Геннадий Вячеславович, коротки оказались у сыщиков руки.

Глава 3

В то же самое время, когда Лев Гуров, Станислав Крячко и Петр Николаевич Орлов проводили в генеральском кабинете первое оперативное совещание по «делу Арзамасцева», в небольшой подсобке книжного магазинчика на Грузинском Валу состоялся еще один примечательный разговор.

Собеседников было двое, и для одного из них, высокого щеголеватого мужчины средних лет с короткой стрижкой, английский язык, на котором велся разговор, явно был родным. Второй выглядел помоложе и попроще, а произношение и некоторая неуклюжесть в строении фраз выдавали в нем нашего соотечественника. И еще что-то неуловимое в его внешности и манере поведения натолкнуло бы опытного человека, тем более профессионала уровня Льва Гурова, на мысль: этот из блатных. Не из «пехоты», нет. Хороший средний уровень.

А то, что английский неплохо знает, особо удивлять не должно. Далеко не все российские мафиози – тупые скоты с одной извилиной.

– Вчерашний прокол не может быть дурацким совпадением! – возбужденно говорил второй, и было ясно, что он оправдывается. – Тут, скорее всего, трюк. Почему только половина? В записке Арзамасцева речь шла о целом документе, не так ли? А теперь этот уголовник набивает себе цену, он хочет вас кинуть, понимаете вы это, лорд? Пользуется тем, что проверить правдивость его слов мы не можем! Арзамасцева теперь не расспросишь... Стоило ли торопиться? Зачем вам вообще понадобились такие крайние решения? Мы так не договаривались. Или мое слово здесь вообще ничего не значит?

– Нас кинуть, – холодно поправил его «англичанин». – Нас, а не «вас», мы в одной лодке. Забыли, сколько денег мы уже выплатили вам? Среди порядочных людей авансы принято отработывать. А непорядочных людей принято воспитывать. Не стеснясь в средствах. Еще раз: я ведь плачу вам хорошие деньги, не так ли? И если до вас еще не дошло, то поясню: плачу я их не только за то, чтобы вы делали свое дело, согласно нашим предварительным договоренностям, но и за то, чтобы вы не проявляли излишнего и неуместного любопытства. Не забывайте, Павел, кто здесь главный. Помните, что вы второе лицо лишь номинально, вас за этим и нанимали. Для вывески. Для обеспечения безопасности нашего предприятия. Для связи с вашими гм-м... знакомыми в определенных сферах. Но не более! Что, зачем и для каких целей понадобилось мне и моим гм-м... коллегам и заказчикам, вас совершенно не касается. Есть хорошее правило: «Меньше знаешь – крепче спишь!» А вот если знаешь больше, чем тебе положено, особенно в таких делах, как наше, то появляется солидный шанс уснуть совсем крепко. Навеки. Замечу, кстати, что этого, как вы изволили выразиться, уголовника мы наняли с вашей подачи.

– И что с того? Настоящие профессионалы продаются. Но не перепродаются. Особенно профессионалы такого... э-э... профиля.

– Верно, только с одним уточнением. В цивилизованных странах. А в вашей проклятой России возможно все. Ненавижу эту страну. Хоть третий год сижу здесь, как проклятый, не могу ее понять.

– Если бы только вы, – криво усмехнулся его собеседник. – Третий год, говорите? Э-хе-хе... Я вот тут родился тридцать с лишним лет тому назад, каких только дорожек не топтал, пять лет у хозяина чалился, а это те еще университеты с академиями. И то никак привыкнуть не могу. Какое тут, к лешему, понимание!

Что верно, то верно. В России многое, если не все, делается сдуру, словно по пьяни, как бы само собой. На халяву. Дворцовые перевороты, реформы и революции, стройки и перестройки, репрессии и реабилитации, приватизации и деприватизации... Особенность национального характера! Раз уж даже Федор Иванович Тютчев свою родину «умом понять» не мог, то куда там нам, грешным! И тем более какой спрос может быть с западных обывателей? Ведь

в массе своей они до сей поры уверены, что Россия – дикая страна, где в городах не встретишь домов выше двух этажей, а по заснеженным улицам шляются медведи и толпы нищих. А хоть бы и не к обывателям это относилось, а к более серьезным людям со специфическими интересами. Какой тут третий год! Тут жизни не хватает. Оттого-то и попадают западные варяги впросяк. Кстати, «варяги» очень похожи на «ворюги». Коими, заметим, варяги и были.

– Этот его трюк, если это действительно трюк, не должен был сработать, – задумчиво произнес «англичанин».

Потом помолчал и добавил:

– А вот, однако же... Сработал. Почему? Я вижу только одно объяснение.

– Догадываюсь, какое.

– Держите свои догадки при себе. Даже в разговоре со мной. Я вот держу. Очень рекомендую брать с меня пример. Жадность плохо сочетается с осторожностью, а она вам необходима. Не зарывайтесь!

– Да не боюсь я никого! Я и сам у хозяина в гостях побывал.

– Ну? В самом деле? Так-таки никого? Это вы, Бульдозер, зря. Иных стоит бояться. Опасаться, по крайней мере. Меня, например...

– Расспросить бы его, – с тоской выговорил наш соотечественник с весьма оригинальной кличкой Бульдозер. – С надлежащей... э-э... настойчивостью.

«Англичанин» поднял на собеседника тяжелый взгляд.

– Это было бы замечательно! – не скрывая сарказма, сказал он. – В том, однако, случае, если расспрашивать будем мы. А если кто-нибудь другой? С надлежащей настойчивостью?.. Тогда как? В каком мы можем оказаться положении, это вы представляете? Бог мой, пока лишь чистые убытки... Пять тысяч евро – это же не шутка... Когда назначена встреча?

– Он отзвонился вчера вечером. Контрольный звонок сегодня, в шесть, я думал...

– А вот этого не надо. Не думайте. Не для вас занятие. Отложите встречу на... Скажем, послезавтра. А еще лучше на четверг. Запись нашего с вами разговора, – он кивнул на диктофон, совершенно открыто лежавший на столе, – пойдет моим, скажем так, коллегам и спонсорам. В Женеву. У них должно быть время, чтобы просчитать изменившуюся ситуацию.

Тот, кого «англичанин» именовал Павлом, посмотрел на диктофон с кривоватой усмешкой. Ему явно не нравилось, что их разговор писали. И говорить на чужом языке, с трудом подбирая слова, когда знаешь, что собеседник прекрасно владеет русским, ему тоже было против шерсти. Но что поделаешь! «Коллеги и спонсоры» в Женеве изучением русского языка в свое время не озаботились.

– Значит, в четверг. Ближе к вечеру. Здесь он появиться не должен. Где встречаться – решите сами. Как станете подстраховываться – тоже. Но завтра доложите мне, что вы придумывали. Он знает вас в лицо?

– Нет. Переговоры и постановка задания шли через...

– Избавьте меня от подробностей! – Некоторое время «англичанин» задумчиво молчал. – Что ж, тогда все в порядке, – уверенным тоном сказал он наконец. – Раз не знает. Все хорошо. Не о чем беспокоиться.

Это он врал. Все было из рук вон как плохо и вот-вот собиралось становиться еще хуже. Оснований для беспокойства хватало с избытком...

...Узнав, что Геннадий Вячеславович покинул этот мир, Лев не особенно опечалился: как уже было сказано, к досаде на «недоработку» у Гурова примешивались личные мотивы, – уж очень не нравился ему господин Салманов.

«Этому типу и после смерти теплое местечко гарантировано, – думал Лев. – Теплее некуда: сковородки шкворчат, смола в котлах булькает... Обслуживающий персонал сплошь с рогами. Но что это Петр шарадами говорить принялся? Что значит выражение „с отбытием ему помогли“? Было там убийство или нет?»

– Петр Николаевич, скажи на милость, как понимать твои слова? – словно подслушав мысли друга, спросил Станислав. – «Убийством в прямом смысле слова назвать нельзя...» А как можно?

– Браком в нелегкой бандитской работе, – совершенно серьезно ответил генерал. – Убийство, конечно. Но неумышленное, а по неосторожности. Причем доказать в суде, что это убийство, будет нелегко. Если вообще возможно. Я еще не решил, будем мы возбуждать дело или спустим на тормозах. Труп Салманова обнаружила соседка по лестничной площадке в четырнадцать тридцать второго января. Она у него убиралась и готовила ему. Вроде как проходящая домработница. Геннадий Вячеславович, чтоб вы знали, два года тому назад овдовел, детей у него не было. Забегая вперед: как Салманов остался единственным более или менее близким родственником Аркадия Арзамасцева, так и Аркадий – единственным близким родственником Салманова. Такая вот мрачноватая ирония судьбы.

«Ничего себе ирония, – усмехнулся про себя Лев. – Племянник не стал долго тянуть со сборами. Бросился догонять любимого дядюшку».

– Геннадий Вячеславович отличался редкой пунктуальностью и, по мнению соседки, просто обязан был быть дома. Но на настойчивые звонки соседки не открывал. Замок у него не английский, а шведский, ригельный, сам такой защелкнуться не может. Соседка увидела, что дверь незаперта, оставалась там маленькая щелка. Она перепугалась: не случилось ли чего. Салманов ведь был сердечником. Толкнула, вошла...

– И натурально обнаружила, что случилось... – закончил Крячко.

– Труп она обнаружила, – продолжил Петр Николаевич, – а ты, Станислав, не перебивай начальство. Вызвала «Скорую». Полицию тоже вызвала, на всякий случай. И правильно сделала. Медики определили, что смерть наступила около десяти утра. Причина – острая сердечно-сосудистая недостаточность.

– Замечательная причина! – с иронией произнес Гуров. – Это медики просто молодцы, тут уж точно не ошибешься. Все там будем, и, что характерно, именно по этой причине. Вопрос в том, что оную недостаточность вызывает.

– Вот-вот! – кивнул генерал. – Вызвал ее спазм коронарных сосудов с последующим обширным инфарктом миокарда.

– Земля ему прахом, в смысле – пухом, – сказал Крячко. (Многозначительная, однако, оговорочка... Прямо по Фрейду.) – Но при чем тут некие гипотетические бандиты? Вполне рядовая смерть. Я помню, он еще тогда, три года назад, на сердце жаловался. И вовсе не симулировал. Таблетки разные горстями лопал.

– При том, что наши коллеги, вызванные соседкой, оказались людьми грамотными, добросовестными, труп осмотрели как следует. И обнаружили на обеих кистях трупа совсем свежие точечные ожоги. Словно сигареткой прижигали Геннадия Вячеславовича. В квартире явственно пахло табачным дымом, меж тем как Салманов не курил. А хоть бы и курил, не мазохист же он, чтобы самому себе сигаретой в руку тыкать. Еще интересный момент: он сидел в кресле, но поза была совершенно неестественная. Точно его что-то или кто-то насильно удерживал. На что это похоже?

– На то, что его пытали, – кивнул Гуров. – Только вот доказать это... Но нам-то понятно, откуда здесь ноги растут. Сигареткой, значит, прижигали... Н-да-а...

– Вот! Законопослушные граждане такими развлечениями не балуются, поэтому я и называю визитеров бандитами. Вопросы типа: почему он их впустил и куда они потом делись, считаю на данном этапе работы несущественными. Почти уверен, что они не хотели его смерти, желали просто... э-э... откровенного разговора. Перепугались того, что натворили. Или что-то их спугнуло. Поэтому быстренько смылись, не стали обыскивать труп и квартиру в поисках ключа, дверь за собой не заперли. Преступники, как вам известно, тоже всякие бывают. Далекое не все – хладнокровные убийцы.

– Почему множественное число? – поинтересовался придирающийся ко всему Станислав. – Может, там один человек был.

– Может, – покладисто согласился генерал Орлов. – А может, десяток. Нам это пока опять-таки без разницы. Важно, что мое предположение тебя не удивило. И правильно. Потому что это наиболее логичное предположение. Допрыгался Геннадий Вячеславович. Мне, скажу откровенно, не слишком его жаль. Редкостная была гнида.

«Вот так вот! Мы все чего-то ждем, а в конце каждого ждет деревянный ящик, – невелико подумал Лев Иванович. – Хотя образ жизни и занятия Салманова предполагали что-то подобное в конце, тут Петр прав. Сколько веревочке ни виться...»

Орлов провел третий отрезок, соединивший концы первых двух.

– Это – смерть Салманова. Точнее, убийство Салманова, как мы договорились считать. Вот теперь мы имеем тот самый треугольник, который почему-то так напугал пана Крячко. Простейшая геометрическая фигура.

– Откуда у тебя уверенность, что смерть Салманова связана с убийством его племянника и документом? – вскинулся Станислав. – Совпадения ты не допускаешь?

Теперь переглянулись уже генерал Орлов с Гуровым. Обменялись понимающими усмешками. Нет, в каком-то смысле Крячко неисправим, и упрямства у него – любому ишаку обзавидоваться!

– Ты шестой десяток разменял, а ума не нажил, – укоризненно сказал Гуров. – Помилуй, какие тут могут быть совпадения? Совпадения, как правило, тщательно готовятся. И, откровенно говоря, я давно отучен верить в совпадения. Чем Геннадий Вячеславович Салманов зарабатывал на черствый такой бутербродик с черной икоркой, напомнить тебе? Коллекционированием, скупкой и перепродажей антиквариата. И вот, через пять дней после его не совсем, как мы полагаем, естественной смерти, убивают его племянника. Нетрадиционным способом. И всплывает обрывок письма Лермонтова. В руке того же племянника. Это надо крепко об асфальт головушкой приложиться, чтобы не связать такие факты.

– Обидеть подчиненного – дело нехитрое, а вас тут двое начальников на меня, сиротиночку! – с театральным жестом воскликнул Крячко и тут же рассмеялся. – Ладно, убедили. Что практически следует из ваших рассуждений и геометрических построений, господин генерал? Нет, что треугольничком придется заниматься нам со Львом, – это до меня уже дошло. Мотивы твоего решения мне тоже понятны. Не совсем понятно, как за это дело ухватиться и с чего конкретно начинать. Раз уж ты, Петр, все так замечательно продумал, поделись соображениями. Не слышу ценных руководящих указаний.

– И не услышишь, – усмехнулся Орлов. – Кроме единственного. Позволю себе процитировать твоего непосредственного начальника: «Думать надо. Я не доктор, у меня готовых рецептов нет».

– Кстати, – заметил Гуров, – я эту примечательную фразу впервые от тебя, Петр, услышал, лет двадцать пять тому назад. Ты еще подполковником был, а я, соответственно, сопливым старшим лейтенантом.

– Надо же, как время-то летит! – снова усмехнулся генерал. – Думайте! Соображения у меня лишь самые общие. Смысл их прост: там, внутри треугольника, находятся решения по всем трем его сторонам. Значит? Стоит взломать одну из сторон, наш треугольник рассыпается. И сразу мы все в белом!

– Легко сказать! – недовольно проворчал Крячко. – Петр, попросил бы Верочку кофе организовать. С печенюшками. Мы же знаем, что она тебе из дома постоянно всякие вкусности таскает. Я сегодня толком не позавтракал.

– Пожалуй, – согласился Орлов. – И птицу пора кормить. Капитан Флинт по часам питаться приучен. В книжке про канареек написано, что птичкам четкий режим питания для здоровья полезен.

– У меня что-то аппетита нет, – сказал Гуров. – Как вспомню фотографию бедолаги Арзамасцева... Знаешь, Стас, Петр прав: не дело, когда по Москве спокойно разгуливает человек, который убивает, да еще и таким изуверским образом.

– Да не спорю я, – кивнул Крячко. – Займемся мы этим изобретателем, такова наша доля сыскаря. А что до аппетита, так он у меня всегда хороший. Люблю, грешным делом, вкусную еду. Хотя... Как подумаешь, куда все это потом девается и во что превращается...

Генерал и Гуров рассмеялись. Станислав был в своем амплуа, Крячко славился в управлении как любитель поохмить. Это среди сыщиков ценится: помогает отвлечься и снять напряжение.

– Могу подобрать еще одну мыслишку, – сказал генерал Орлов через десять минут, отставив в сторону исходящую ароматным парком чашку с «Арабикой». – Зададимся вопросом: откуда может всплыть некий документ, написанный лермонтовским почерком? Неизвестный ранее документ. Письмо. Скорее всего, из мест, как-то связанных с жизнью поэта, а таких немного. Питер, Москва, Тарханы, Северный Кавказ. Так вот, советую провести анализ глубокой примерно в год – не случилось ли чего в этих местах такого, что как-то могло быть связано с пропажей или обнаружением подобного документа? Не было ли подозрительного криминала? Может, где-то архив ограбили. Или подожгли. Или... Много чего может быть «или». Используйте базу данных нашего управления, к нам сведения со всей России стекаются. Задействуйте Лисицына и его команду. Вот подсказывает мне интуиция, что две эти смерти – дяди и племянника – не первые в ряду смертей, связанных с письмом. Слишком уж добыча соблазнительная: спрятать легко, весу никакого, а стоит дороже бриллиантов. И вывезти за бугор в отличие от бриллиантов не в пример проще. Тот, кто владеет такой ценностью, должен быть предельно осторожен.

– Согласен, мысль отличная, – вслух сказал Гуров, а про себя подумал, что им с Крячко еще учиться и учиться у Орлова точности и цепкости аналитического мышления.

* * *

Сергей Павлович Осинцев, известный среди блатных под напрашивающимся погонялом Оса, умирал.

Осинцев знал, что умирает. За три месяца, проведенных им то на койке в палате Четвертой московской клинической больницы, то в реанимации той же клиники, он уже почти смирился с тем, что ему не выкарабкаться. Смерти Сергей не слишком боялся, в загробную жизнь и воздаяние за грехи, которых на нем висело, как на Жучке блох, не верил совершенно. Досадно, конечно, уходить так рано, ведь только-только тридцать пять исполнилось, но раз уж так легла масть...

Нет, Сергей Осинцев не мог пожаловаться на свой организм: он сопротивлялся костлявой старухе изо всех сил, на пределе возможностей. И медики старались, делали, что могли. Одно время, недели две назад, даже появилась надежда, что дело пошло на поправку. Но нет, сразу после Нового года Сергей вновь, уже в пятый раз, оказался в палате интенсивной терапии. В реанимации. Откуда, как известно, две дорожки: одна в обычную палату, а другая...

Ясно, куда.

Такое часто бывает, когда причина болезни – проникающие в брюшную полость ножевые ранения с последующим воспалением брюшины и гнойным перитонитом. Холмики и впадины: раненому то становится чуть лучше, то он вновь скатывается вниз, на грань гибели. Только вот каждый следующий раз холмик становится все ниже, а впадина все глубже. Та самая грань приближается, и нет никакой возможности затормозить скольжение к ней. Счастливы те, кто впадает в беспамятство, не чувствуют боли, не ощущают ледяного дыхания скорого конца. Только Сергею и здесь не повезло, Осинцев все время оставался в сознании.

И врачи, и сам Осинцев понимали: шестого попадания в реанимацию ему не перенести. Оттуда он отправится напрямиком в больничный морг.

Нет, не близость неизбежной смерти доводила Сергея до иступления в бесконечные бессонные часы, не страх и не жалость к себе. И даже не боль, с которой он сжился, заставляла Осу до хруста и судороги челюстей сжимать зубы, чтобы не заорать в голос.

Его мучило то, что он не сможет отомстить, бесило осознание чудовищной несправедливости и предательства, жертвой которых он стал. И собственной глупой наивности. Ох, как неприятно в преддверии смерти ощущать себя лопухим дурачком, жалким фраером, которого развели, точно мелкую сявку. И списали двумя ударами финки в бок.

Жаль, что не дорезали. Прямо тогда. Чего проще: чиркнули бы перышком по горлу, и всего делов. Если бы он совершил такую подлость, то так бы и сделал. Нет, решили, видать, что он спекся с тех двух ударов. Руки пачкать не захотели. Тоже ведь нелегко своего резать. Ни за что резать, только чтобы нажиться, кусок изо рта вырвать. Самый поганый мент, вертухай гнусный, и то так не поступит. Хороши оказались московские блатные, нечего сказать. Гаже любой свиньи.

Правильно, вообще говоря, решили. Один шанс на сто у него был остаться в живых после такого угощения. А вот поди ж ты... Остался. Ненадолго, правда.

И зачем остался? Чтобы весь этот жалкий довесок, который не сегодня-завтра завершится, так страдать, вспоминая о своей глупости и чужой подлости?

Но как же так?! Он, Оса, всегда жил по понятиям, всегда строго исполнял блатные законы, главный из которых гласит: не крысятничай! Не делай подлянку своим!

А с ним как обошлись?! И кто обошелся! Это что же получается: полный беспредел, все понятия прахом пошли, даже своим, с кем рядом на шконках лежали, даже им доверять нельзя?! Тогда действительно лучше смерть, чем такая жизнь. Вот только рассчитаться бы кое с кем, наказать иуд. Да ведь как накажешь, если не то что на ноги встать, а рукой пошевелить еле-еле можешь, даже глаза поворачиваются вроде как со скрипом? Плюс к тому липкий холодный пот и страшная слабость...

Он лежал на спине – три месяца только на спине, не повернуться, – и смотрел незрячим взглядом в белый больничный потолок. Ему виделась громадная вырубка в сибирской тайге. А посередине вырубки большущий квадрат, огороженный глухим бетонным забором в два человеческих роста. Поверх забора пущена спираль колючей проволоки нового образца, «бритвочка». По углам квадрата – четыре вышки. С каждой стороны периметра – прожекторные мачты. Приглушенный лай собак. ИТК строгого режима номер 130/11. Там, на зоне, он сошелся с Колей Зиминим. С Зимой.

Нет, не сказать, что они были кореша не разлей вода. И все же... В одном бараке жили, в одних мехмастерских работали; зона была «красная», и отрицаловка в ней не приветствовалась. Так пять лет. Зима откинулся на три месяца раньше Сергея, четыре года с того дня прошло.

А когда откидывался, сказал Осе, что непременно вернется в Москву, хотя бы и по нелегалке. Назло Юрию Михайловичу Лужкову. Он москвичом был, Зима. Из солнцевской братвы. Приглашал в гости.

Тогда Оса только посмеялся про себя такому приглашению: на что ему столица? Нет, дома, на юге, проще, сытнее и спокойнее, да и ментовня не такая озверевшая.

Но жизнь – штука непредсказуемая, очень по-разному она порой оборачивается. Когда три с половиной месяца назад Сергей Осинцев оказался в Москве, первое, что пришло ему в голову, – найти Зимина. Оса сам загнал себя в тупик, злость на Кайлинского сыграла с ним плохую шутку, да еще водка проклятая... Сорвался он тогда, ох как сорвался! Сам себе подгадил. Москва – суровый город, она, как известно, бьет с носка и слезам не верит. Чужаку в

столице плохо и неуютно, особенно с таким прошлым, как у Осинцева. Нет, документы у него были чистые, не подкопаешься, но и с такими становиться в столице на учет лучше не стоит!

За последние два «эпизода» Оса не особенно волновался: пока еще менты встанут на след... Если встанут! В родной город он возвращаться не собирался, а вычислить его в столице да связать случившееся неделю тому назад в Кислогорске с ним, Осинцевым... Это уж нужно, чтобы совсем не повезло. Плохо было другое!

Дурацкая сложилась ситуация: впервые в жизни у него появился шанс действительно выиграть по-крупному, сорвать хороший куш. Дураком Осинцев не был, догадывался, что волею судьбы у него в руках оказалось нечто необычайно ценное. И вот он сам, в прямом смысле слова теми же руками, перекрыл себе все дороги. Не сдержался. Откровенно психанул, когда понял, что его хотят надуть, кинуть, как несмышлениша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.